

ЧАСТНОЕ ПРАВО JUS PRIVATUM

Т. А. Ермолаева*,
А. А. Ананьева**

Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания

Аннотация. Статья посвящена памяти выдающегося российского ученого Дмитрия Ивановича Мейера (1819—1856), родоначальника российской цивилистики, который в свое время утверждал, что права физических лиц зависят от различных обстоятельств — отчасти естественных, отчасти исторических. Его утверждение о том, что «есть разные степени помешательства; иногда оно сильнее, иногда слабее», только в 2015 г. оказалось востребованным российским законодателем путем внесения соответствующих изменений в российское законодательство по проблеме дееспособности граждан. В статье рассматривается эволюция содержания правосубъектности физических лиц в сфере частноправовых отношений, в том числе в семейных отношениях, а также в отношениях, осложненных иностранным элементом, т.е. в сфере международного частного права. На основе проведенного анализа в статье рассматривается категория «гражданская правосубъектность физического лица» как его способность быть субъектом гражданского права, включающая такие элементы, как правоспособность и дееспособность. Под гражданской правоспособностью следует понимать юридически равную абстрактную возможность всех и каждого иметь гражданские права и нести обязанности. Неприемлемо рассмотрение правоспособности как субъективного права иметь право: это приводит к необоснованному удвоению категории «субъективное право» и мешает правильному пониманию действия механизма гражданско-правового регулирования. Субъективное право рассматривается в статье как реализация правоспособности конкретным лицом, а потому граждане, будучи юридически равными в правоспособности, не могут быть равными в наличии конкретных субъективных прав, которые составляют содержание их правоспособности в абстрактном виде. Проанализированы изменения Гражданского кодекса Российской Федерации, вводящие новое основание ограничения дееспособности граждан, а также учитывающие степень фактического снижения способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими. В статье анализируются коллизионные принципы определения правоспособности и дееспособности иностранных граждан. Судебная практика, наряду с признанием национального режима иностранных граждан на территории РФ, указывает на необходимость обращения к иностранному законодательству при определении гражданской правоспособности и дееспособности иностранных граждан. Проанализирована частноправовая составляющая института реторсий, непосредственная цель которых — защита частных прав и законных инте-

© Ермолаева Т. А., Ананьева А. А., 2019

* Ермолаева Тамара Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии
ermolaeva.tamar@yandex.ru

410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

** Ананьева Анна Анатольевна, кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия
annaslast@mail.ru

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

ресов российских граждан. Таким образом, содержание гражданской правосубъектности физических лиц в сфере частноправовых отношений, элементами которой являются такие категории, как правоспособность и дееспособность, эволюционирует в сторону признания равенства и защиты интересов всех лиц на основе принципов справедливости, гуманности и разумности. При этом государство закрепляет юридические гарантии исполнения дееспособности несовершеннолетних и некоторых категорий совершеннолетних граждан с помощью институтов родительской ответственности, опеки и попечительства и устанавливает процессуальные гарантии соблюдения прав этих лиц в судебных процессах.

Ключевые слова: правосубъектность, гражданская правоспособность, дееспособность, содержание правоспособности, гарантии осуществления правосубъектности, ограниченные дееспособности, личный закон физического лица, реторсии.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.157.12.009-018

Термин «правосубъектность» — категория научная, и в Гражданском кодексе РФ (так же как и в Семейном кодексе РФ) он не употребляется. ГК РФ оперирует терминами «правоспособность» и «дееспособность» физических лиц.

Следует указать, что Всеобщая декларация прав человека¹ провозглашает право каждого человека на признание его правосубъектности (ст. 6).

Советская наука гражданского права (преемницей которой является современная российская цивилистика) внесла весомый вклад в разработку учения о гражданской правосубъектности. О. С. Иоффе указывал на разработку проблемы гражданской правосубъектности в связи с первой кодификацией советского гражданского законодательства².

Долгое время советские ученые видели задачу советского законодательства «в стирании грани между правом гражданским, частным и публичным»³. Именно это и послужило наличием двух концепций (меновая концепция и теория социальных функций) теоретического истолкования сущности гражданской правосубъектности в первые десятилетия советской власти.

Современное понимание гражданской правосубъектности сложилось в ходе развития советского и российского законодательства

и советской, а в последствии и российской цивилистики.

Легальное определение гражданской правоспособности граждан впервые закреплено в ст. 4 ГК РСФСР 1922 г. В статье 7 было дано определение дееспособности⁴.

Эти фундаментальные определения правоспособности и дееспособности граждан остались в принципе неизменными в части первой современного Гражданского кодекса РФ (ст. 17, п. 1 ст. 21 ГК РФ)⁵.

Статья 22 устанавливает юридические гарантии недопустимости лишения и ограничения правоспособности и дееспособности граждан:

- императивные нормы закона предусматривают исключительные случаи и порядок ограничения правоспособности и дееспособности граждан;

- признание недействительным акта государственного или иного органа, устанавливающего незаконное ограничение дееспособности граждан и права заниматься деятельностью, не запрещенной законом;
- ничтожность отказа самого гражданина от правоспособности или дееспособности;
- ничтожность иных сделок, направленных на ограничение правоспособности или дееспособности, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законом.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 10.12.1998.

² См.: Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР (ч. I). Ленинград : Изд. Ленинград. ун-та, 1975. С. 109.

³ Гойхбарг А. Г. Основы частного имущественного права. Очерки. М. : Красная новь, 1924. С. 52.

⁴ СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

⁵ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Очевидная и общепризнанная в науке тесная связь правосубъектности и правоспособности послужила причиной того, что ряд ученых стали отождествлять правосубъектность с правоспособностью⁶ или вовсе считали категорию правосубъектности излишней⁷. Е. А. Суханов, прежде отождествлявший правосубъектность с правоспособностью⁸, в дальнейшем не использует термин «правосубъектность», заменяя его гражданско-правовым статусом гражданина (физического лица). При этом правоспособность определяется им как субъективное право, которое, по его словам, нельзя смешивать с субъективными правами, возникшими в результате ее реализации⁹.

Вряд ли можно согласиться с трактовкой правоспособности как некоего субъективного права. В таком случае вообще нет необходимости вводить, наряду с термином «субъективное право», новый термин «правоспособность». Эти категории лежат в разных плоскостях. Правоспособность — это лишь предпосылка правообладания. Тогда как субъективное право — само правообладание. Конечно, можно считать, что правоспособность — это право иметь право. Но к чему такое удвоение понятия субъективного права? В свое время и римские юристы придавали термину *ius* различные значения¹⁰, что нельзя признать логичным для современной юриспруденции.

Вряд ли отождествление правосубъектности с правоспособностью можно назвать правильным. Более верным следует считать мнение О. С. Иоффе, который рассматривал правоспособность и дееспособность в качестве элементов правосубъектности, составляющих ее проявления¹¹. В самом деле, правосубъектность не исчерпывается правоспособностью, поскольку субъект права обладает не только юридической способностью иметь права (правоспособность), но и способностью самостоятельно приобретать и осуществлять эти права (дееспособность). При этом законодатель принимает во внимание физиологические особенности физического лица — его малолетний возраст

и болезненное состояние психики. В этих случаях ограниченная или полная недееспособность физического лица восполняется дееспособностью родителей, усыновителей, опекунов и попечителей, что является юридическими гарантиями правосубъектности таких лиц.

Содержание правоспособности (т.е. совокупность тех субъективных прав, которые в принципе может иметь физическое лицо) меняется с развитием общества, изменением экономических и социальных отношений в обществе. Сравнение ст. 5 ГК РСФСР 1922 г., ст. 10 ГК РСФСР 1964 г. и ст. 18 современного ГК РФ, определяющих содержание правоспособности граждан, показывает, насколько обогатилось и стало иным содержание правоспособности российских граждан.

Уже в первом Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. был установлен принцип равенства правоспособности граждан независимо от пола, расы, национальности, вероисповедания, происхождения (ст. 4). Этот принцип в современной России возводится в ранг конституционного принципа (ст. 19 Конституции РФ) и последовательно проводится в современном российском законодательстве.

К принципу равенства физических лиц перед законом человечество шло долгие столетия.

В 1789 г. Французская Республика в ст. 1 Декларации прав человека и гражданина провозгласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе»¹². Спустя полтора столетия Всеобщая декларация прав человека Организации Объединенных Наций 1948 г. высказывается в том же духе: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (ст. 2)¹³.

⁶ См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М. : Госюриздат, 1950. С. 5 и сл.

⁷ См.: Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов : Приволжское кн. изд., 1966. С. 84.

⁸ См.: Гражданское право : учебник : в 2 т. : Т. 1 / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. М. : Бек, 1998. С. 69.

⁹ См.: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. М. : Статут, 2011. Т. 1. С. 127—135.

¹⁰ Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. Т. 1. С. 87, 89 (Д. 1.1.11,12).

¹¹ См.: Иоффе О. С. Указ. соч. С. 120—121.

¹² Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М. : Прогресс, 1989.

¹³ Российская газета. 10.12.1998.

На протяжении многих столетий истории человечества менялось содержание правоспособности физического лица. Многие века оно не было равным для различных лиц вплоть до лишения рабов какой бы то ни было правосубъектности.

Родоначальник российской цивилистики Дмитрий Иванович Мейер дал подробный анализ статуса субъектов «зарождающегося в России середины XIX столетия гражданского права»¹⁴.

«Права физических лиц не одинаковы, — констатировал он, — а зависят от различных обстоятельств, отчасти естественных, отчасти исторических. Обстоятельства эти следующие: рождение физического лица, законное или незаконное, пол, возраст, здоровье, отношения родства и свойства физического лица к другим лицам, образование, вероисповедание, состояние лица, звание и гражданская честь»¹⁵.

Д. И. Мейер отмечал большое значение рождения (законное, незаконное) для юридического положения физического лица. Незаконнорожденные дети, по образному сочувственному выражению Д. И. Мейера, «представляются в мире одинокими, чужими всем».

Современное международное сообщество в Декларации прав человека 1948 г. провозглашает иной принцип: «Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой» (ст. 25).

По мнению Д. И. Мейера, различие между полами до такой степени существенно, что уже a priori можно допустить его влияние на юридическое положение физических лиц. Он объясняет ограничения в правах женщин их физической природой и историческим развитием юридических воззрений народов. Эти соображения Д. И. Мейера, возможно, и созвучны утверждениям юристов Древнего Рима (Законы XII таблиц, V, 1; Институции Гая. 1. 144—145)¹⁶, но не могут быть восприняты современным обществом, устанавливающим принцип равен-

ства правоспособности лиц независимо в том числе и от пола физического лица. Очевидно, что различие в физиологических функциях, которые выполняют мужчина и женщина в продолжении человеческого рода, и в той социальной роли, которую они выполняют в семье, не должны сказываться на их равенстве в признаках правосубъектности.

Нельзя обойти вниманием высказывания Д. И. Мейера о влиянии состояния на юридическое положение физических лиц в государстве. «Все законодательства, — считает Д. И. Мейер, — понятие о физической личности дополняют понятием о принадлежности человека государству, и только гражданину вполне предоставляют права, свойственные физической личности»¹⁷.

Долгие столетия пробивал себе путь в сознании мирового сообщества и в национальных законодательствах национальный режим иностранцев в чужой стране.

Постановление ВЦИК о введении в действие Гражданского кодекса РСФСР от 11 ноября 1922 г. в ст. 8 устанавливало, что права иностранцев регулируются соглашениями России с государствами их гражданства. Иностранцам предоставлялись «права на свободное передвижение по территории РСФСР, избрание профессий, открытие и приобретение торговых промышленных предприятий, приобретение вещных прав на строения и земельные участки». Если права иностранцев не предусматривались соглашениями или специальными законами, то их права могли быть ограничены компетентными органами РСФСР.

Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г.¹⁸ в ст. 562 уже по-другому формулирует гражданскую правоспособность иностранных граждан в РСФСР, не связывая ее с наличием соглашения между государствами. Иностранные граждане в РСФСР пользуются гражданской правоспособностью наравне с советскими гражданами. Отдельные изъятия могут устанавливаться только законом СССР. В части второй этой статьи Совету Министров СССР предоставлено право реторсий — ответных ограничений

¹⁴ См.: Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. / по испр. и доп. 8-му изд. М. : Статут, 1997. Ч. I. С. 3, 91—117.

¹⁵ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 91.

¹⁶ См.: Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997. С. 7, 38.

¹⁷ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 114.

¹⁸ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

в отношении граждан тех государств, в которых имеются специальные ограничения гражданской правоспособности советских граждан. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1)¹⁹ в п. 1 ст. 160 устанавливают аналогичное правило. Тем самым в гражданском законодательстве был закреплен принцип предоставления иностранцам на территории СССР национального режима.

Этот принцип был введен в российское право в качестве конституционного (ч. 3 ст. 62 Конституции РФ), в соответствии с которым иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ.

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»²⁰ в ст. 4 «Основы правового положения иностранных граждан в Российской Федерации» воспроизводит тот же принцип.

Приведем пример ограничений правоспособности иностранцев, не соответствующих Конституции РФ, выявленных постановлением Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 г. № 4-П²¹. Неконституционными были признаны положения ряда законов, позволяющих принимать решения о нежелательности проживания в РФ и о депортации иностранцев исключительно на основании факта наличия у них ВИЧ-инфекции. Эти меры могут применяться к иностранцам при отсутствии как нарушений с их стороны требований, которые установлены законодательством в отношении ВИЧ-инфицированных лиц и направлены на предотвращение дальнейшего распространения данного заболевания, так и иных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости применения к этому лицу подобных ограничений. В соответствии с указанным постановлением КС РФ в законодательство были внесены соответствующие изменения.

Международное частное право современной России в общей коллизионной норме ст. 1196 ГК РФ гражданскую правоспособность

любого физического лица (российских граждан, иностранцев, лиц без гражданства) определяет его личным законом. При этом иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами, кроме случаев, установленных законом. Общая норма ст. 1195 ГК РФ считает личным законом физического лица право страны, гражданство которой это лицо имеет. Субсидиарные коллизионные нормы этой же статьи устанавливают различные варианты коллизионных привязок для определения личного закона физических лиц.

Соотношение содержания правоспособности иностранного гражданина и принципа предоставления национального режима иностранцу на территории чужого государства интересно проследить на примере постановления Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 27 октября 2003 г. № Ф03-А04/03-2/2026²². В нем, наряду с признанием национального режима иностранных граждан на территории РФ, указывается на необходимость обращения к иностранному законодательству при определении гражданской правоспособности и дееспособности иностранных граждан. В частности, согласно ст. 2 Федерального закона «Об иностранных инвестициях на территории Российской Федерации», иностранными инвесторами являются иностранные граждане, гражданская правоспособность и дееспособность которых определяется в соответствии с законодательством государства их гражданства и которые вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации.

Юридической гарантией соблюдения прав российских граждан в иностранных государствах служит институт реторсий (ст. 1194 ГК РФ). Реторсии представляют ответные ограничения имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц государств, принявших специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав российских граждан и юридических лиц. Согласно ГК РФ, реторсии могут быть установлены Правительством Российской Федерации.

¹⁹ Ведомости ВС СССР. 26.06.1991. № 26. Ст. 733 (полностью не действует на территории РФ с 1 января 2008 г.).

²⁰ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

²¹ Вестник КС РФ. 2015. № 3.

²² URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/29499295/> (дата обращения: 20.05.2019).

Гражданский кодекс РФ определяет частно-правовую составляющую института реторсий и вводит его в сферу частноправового регулирования. Непосредственная цель частноправовых реторсий — защита частных прав российских граждан. Представители науки международного права определяют реторсии исключительно с позиций защиты государством своих политических и экономических интересов, расценивая их в качестве «одной из мер политической ответственности государства за совершение недружественных действий»²³. При таком подходе вовсе игнорируется частноправовая составляющая реторсий, нашедшая закрепление в ст. 1194 ГК РФ.

Применение реторсий в международном частном праве РФ связывают с реализацией принципа взаимности. Ответные ограничения на дискриминационные действия в отношении российских граждан, нарушающие их имущественные и личные неимущественные права, позволяют восстановить принцип справедливости в предоставлении национального режима иностранным гражданам в РФ, для чего не требуется соблюдения принципа взаимности.

В комментариях к ст. 1194 ГК РФ отмечаются следующие черты реторсий:

1. Реторсии признаются международным сообществом правомерными действиями государства, поскольку применяются в ответ на дискриминационные ограничения другого государства в отношении физических и юридических лиц первого государства.

2. Реторсии — не общие ограничения, применяемые к лицам любого иностранного государства, а специальные ограничения, применяемые только в отношении данного государства.

3. Реторсии должны быть соразмерными (адекватными) тем ограничениям, которые были введены другим государством.

В качестве публичной реторсии ряд юристов расценивают так называемый «закон Димы Яковлева», запрещающий усыновление

российских детей гражданами США, — Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 23.05.2015). Если расценивать частноправовой аспект проблемы запрета усыновления американскими гражданами российских детей, а именно защиту интересов российских сирот, то мнения будут неоднозначны. Поскольку «законом Димы Яковлева» права на усыновление российских детей лишаются все американские граждане, возникает вопрос о соразмерности и, соответственно, о справедливости такого решения российского государства²⁴.

Следует согласиться с мнением, что реторсии — это «соразмерная, пропорциональная по степени тяжести одна из мер справедливости»²⁵.

В силу ст. 1194 ГК РФ установление реторсий относится к компетенции Правительства РФ, что объясняется необходимостью оперативного вмешательства в ситуацию. Однако поспешность в данном случае может принести больше вреда, чем пользы, что демонстрирует нам пример с запретом усыновления российских детей американскими гражданами. Это не соответствует и конституционному положению, согласно которому ограничение правоспособности возможно только федеральными законами.

Возвращаясь к высказываниям Д. И. Мейера, отметим, что царское законодательство предусматривало сословное различие гражданской правоспособности российских граждан. «И напрасно, — считал Д. И. Мейер, — пытаются иные представить деление граждан на сословия общечеловеческой необходимостью: она не знает неравенства прав, а представляет только неравенство людей по их силам, способностям, понятиям — неравенство, не имеющее никакой логической связи с неравенством прав по состоянию»²⁶.

С возрастом связано понятие дееспособности физического лица. Ни одно законодательство, как замечает Д. И. Мейер, не могло отказать в значении возраста при установлении

²³ Гришина Я. С. Реторсия: правовое объяснение и мировые примеры // Вопросы политической науки : материалы II Междунар. науч. конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб. : Свое издательство, 2016. С. 25—28. URL: <https://moluch.ru/conf/polit/archive/200/10831/> (дата обращения: 20.05.2019).

²⁴ См., например: Прошутинская А. О. Эффективность и результативность принятия «закона Димы Яковлева» для российских детей // Международный научный журнал «Инновационная наука» № 04-4/2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-i-rezultativnost-prinyatiya-zakona-dimy-yakovleva-dlya-rossijskih-detey> (дата обращения: 20.05.2019).

²⁵ Шлюндт Н. Ю. К вопросу о частноправовых реторсиях // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-chastnopravovyh-retorsiyah> (дата обращения: 20.05.2019).

²⁶ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 115.

прав физических лиц. Лицо становится полностью дееспособным только по достижении совершеннолетия. Однако возраст совершеннолетия у разных народов различен. Более того, существует тенденция в некоторых странах устанавливать различный возраст достижения совершеннолетия и возраст возможности вступления в брак.

Обращает на себя внимание еще одно высказывание Д. И. Мейера о признании физических лиц недееспособными. Оно будто предвосхищает те изменения, которые внесены в российское законодательство на основании разбирательств в Конституционном Суде РФ относительно конституционности норм современного ГК РФ о признании физических лиц недееспособными. «Наше законодательство, — считал Д. И. Мейер в отношении царского законодательства, — не уловило разнообразных явлений действительности, представляющихся наблюдателю душевных болезней: оно допускает одно состояние умалишенных; но есть разные степени помешательства; иногда оно сильнее, иногда слабее»²⁷.

Следует отметить, что внимание разработчиков Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009)²⁸, сосредоточенное на таких важнейших, по их мнению, субъектах гражданских правоотношений, как юридические лица, не коснулось правовых норм о дееспособности физических лиц. Вместе с тем недостатки в регулировании дееспособности граждан, признании их недееспособными и ограниченно дееспособными были предметом рассмотрения как Европейского Суда по правам человека, так и Конституционного Суда РФ. В связи с этим в последние годы ряд статей ГК РФ подверглись соответствующим изменениям.

Постановлением ЕСПЧ от 27 марта 2008 г. по делу «Штукатуров против Российской Федерации»²⁹ в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод было признано нарушение прав гражданина Штукатурова, страдающего психическим заболеванием, объ-

явлением его недееспособным, помещением в психиатрическую больницу и т.д.

Ссылаясь на Рекомендацию Комитета министров Совета Европы от 23 февраля 1999 г. № (99)4 «О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых», Европейский Суд указывает на ряд принципов, которым должны отвечать правовые инструменты защиты личных и имущественных интересов взрослых недееспособных лиц:

1. **Гибкость правового реагирования**, позволяющая достаточно и уместно реагировать на различные степени недееспособности и различные ситуации.

2. **Максимальное сохранение дееспособности**. Законодательное регулирование должно признавать, что существуют различные степени недееспособности и недееспособность может различаться время от времени.

3. **Соразмерность**. Мера защиты должна быть соразмерной степени дееспособности лица и должна учитывать его индивидуальные обстоятельства и нужды.

4. **Право быть выслушанным лично**. Лицо должно иметь право быть выслушанным лично в разбирательстве, которое может затрагивать его правоспособность.

5. **Продолжительность, пересмотр и обжалование**. Меры защиты должны, насколько возможно, иметь ограниченную продолжительность, периодически пересматриваться и предусматривать адекватные права обжалования.

Очевидно, что все эти положения отвечают таким принципам права, как принципы **справедливости, добросовестности и разумности**.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 27 июня 2012 г. № 15-П³⁰ констатировал, что «в действующей системе гражданско-правового регулирования не предусматривается возможность дифференциации гражданско-правовых последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими». В силу этого Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ³¹ в соответствующие статьи внесены изменения.

²⁷ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 101—102.

²⁸ Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

²⁹ Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 2. Постановление вступило в силу 27 мая 2008 г.

³⁰ Российская газета. 13.07.2012. Федеральный выпуск № 5832 (159).

³¹ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7627.

Пункт 2 ст. 29 ГК РФ обязывает опекуна совершать сделки от имени недееспособного гражданина, учитывая мнение такого гражданина, а при невозможности установления его мнения — с учетом информации о его предпочтениях, полученной от родителей такого гражданина, его прежних опекунов, иных лиц, оказывавших такому гражданину услуги и добросовестно исполнявших свои обязанности.

Новая редакция п. 3 ст. 29 ГК РФ позволяет суду при развитии способности гражданина, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц признать такого гражданина ограниченно дееспособным в соответствии с п. 2 ст. 30 ГК РФ. При восстановлении способности гражданина, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими суд признает его дееспособным.

Изменениям подверглась и статья 30 ГК РФ. Существенное значение, как представляется, имеет дополнение оснований для ограничения дееспособности совершеннолетних граждан. В частности, п. 2 учитывает степень фактического снижения способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими, вводя новое основание ограничения его дееспособности: суд может ограничить в дееспособности гражданина, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. Согласно п. 3 ст. 30 суд вправе либо отменить ограничение дееспособности, либо признать ограниченно дееспособным гражданина недееспособным, если состояние гражданина соответственно изменилось.

Соответствующие разъяснения даны в постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25: «Вопрос о признании гражданина, страдающего психическим расстройством, недееспособным или ограниченно дееспособным следует решать с учетом степени нарушения

его способности понимать значение своих действий или руководить ими» (п. 19)³².

В дополнение к таким основаниям, как злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами, гражданин может быть ограничен в дееспособности по причине пристрастия к азартным играм. По этому поводу Верховный Суд РФ разъясняет, что пристрастие «проявляется в патологическом влечении к азартным играм, потере игрового контроля, а также в продолжительном участии в азартных играх вопреки наступлению неблагоприятных последствий для материального благосостояния членов семьи» (п. 18).

Ряд федеральных законов внесли изменения в гл. 31 Гражданского процессуального кодекса РФ³³. Эти изменения следует рассматривать в качестве процессуальных гарантий соблюдения личных и имущественных прав и интересов несовершеннолетних граждан и взрослых недееспособных или ограниченно дееспособных граждан.

Таким образом, гражданская правосубъектность физического лица представляет собой его способность быть субъектом гражданского права, обладая такими юридическими свойствами, как правоспособность и дееспособность. Содержанием гражданской правосубъектности является совокупность всех тех прав, которые ему предоставляются, и возможность осуществлять эти права собственными действиями. При этом государство закрепляет юридические гарантии восполнения дееспособности несовершеннолетних и некоторых категорий совершеннолетних граждан с помощью институтов родительской ответственности, опеки и попечительства и устанавливает процессуальные гарантии соблюдения прав этих лиц в судебных процессах. Содержание гражданской правосубъектности физических лиц в сфере частноправовых отношений, элементами которой являются такие категории, как правоспособность и дееспособность, эволюционирует в сторону признания равенства и защиты интересов всех лиц на основе принципов справедливости, гуманности и разумности.

³² Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

³³ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. — М. : Госюриздат, 1950.
2. Гражданское право : учебник : в 2 т. — Т. 1 / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. — М. : Бек, 1998.
3. Гришина Я. С. Реторсия: правовое объяснение и мировые примеры // Вопросы политической науки : материалы II Междунар. науч. конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). — СПб. : Свое издательство, 2016.
4. Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР (ч. I). — Ленинград : Изд. Ленинградского университета, 1975.
5. Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. — Саратов : Приволжское кн. изд., 1966.
6. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. / по испр. и доп. 8-му изд. — М. : Статут, 1997. — Ч. I.
7. Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М. : Зерцало, 1997.
8. Прошутинская А. О. Эффективность и результативность принятия «закона Димы Яковлева» для российских детей // Инновационная наука. — № 04-4/2017.
9. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. — М. : Статут, 2011. — Т. 1.
10. Шлюндт Н. Ю. К вопросу о частноправовых реторсиях // Ленинградский юридический журнал. — 2013. — № 2 (32). — С. 183—191.

Материал поступил в редакцию 20 мая 2019 г.

CIVIL LEGAL PERSONALITY OF PHYSICAL ENTITIES: THE CONTENT EVOLUTION

Tamara A. Yermolaeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of International Law, Saratov State Law Academy
ermolaeva.tamar@yandex.ru
1, Volskaya, Saratov, 410056, Russia

Anna A. Ananeva, Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice
annaslast@mail.ru
69, Novocheremushkinskaya, Moscow, 117418, Russia

Abstract. *The article is devoted to the memory of the outstanding Russian scholar Dmitriy I. Meyer (1819—1856) — the ancestor of Russian civilistics who declared that the rights of individuals depend on different circumstances that are, to some extent, natural and, to some extent, historical. Meyer’s statement that “there are different degrees of insanity: sometimes it is stronger, sometimes weaker” turned out to be accepted by the Russian legislator only in 2015 by making appropriate changes in the Russian legislation regarding the problem of legal capacity of citizens. The paper has investigated the evolution of the content of legal personality of individuals in the field of private legal relations, including family relations, as well as in the field of relations complicated by a foreign element, i.e. in the field of private international law. On the basis of the analysis, the author explores a civil legal personality of a natural person category as her ability to be a subject of civil law including such elements as capacity and legal capacity. Civil capacity should be understood as a legally equal abstract opportunity for everyone to have civil rights and duties. It is unacceptable to consider capacity as a subjective right to have the right: this leads to an unjustified doubling of the category of “subjective right” and hinders a proper understanding of the mechanism of civil regulation. The article investigates the subjective right as implementation of capacity of a particular person, and, therefore, citizens being legally equal in their capacity, to be not equal in the presence of specific subjective rights that constitute the content of their capacity in the abstract form. The authors have analyzed the amendments to the Civil Code of the Russian Federation introducing a new basis for limiting the legal capacity of citizens, as well as taking into account the degree of actual reduction of the ability of citizens to understand the meaning of their actions or to be in control of such actions. The article analyzes the conflict-of-laws principles of determination of capacity and legal capacity of foreign citizens. Jurisprudence, along with the recognition of the national regime of foreign citizens on the territory of the Russian Federation, indicates the need to apply foreign*

laws in determining the civil capacity and legal capacity of foreign nationals. The article analyzes the private law component of the institute of retortions the immediate purpose of which is to protect private rights and legitimate interests of Russian citizens. Thus, the content of the concept of civil personality of natural persons in the field of private law relations that consists of such categories as capacity and legal capacity evolves into the recognition of equality and the protection of the interests of all persons on the basis of the principles of justice, humanity and reasonability. At the same time, the State secures legal guarantees applied for the completion of the legal capacity of minors and certain categories of adult citizens through institutions of parental responsibility, guardianship and custody and establishes procedural guarantees of observance of the rights of these persons in judicial proceedings.

Keywords: legal personality, civil capacity, legal capacity, content of capacity, guarantees of the exercise of legal personality, restriction of legal capacity, personal law of an individual, retortions.

REFERENCES

1. Bratus S. N. Subekty grazhdanskogo prava [Subjects of civil law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1950. (In Russ.)
2. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. [Civil law: A textbook : in 2 vols]. Vol. 1. E. A. Sukhanov (ed.). Moscow, Bek Publ., 1998. (In Russ.)
3. Grishina Ya. S. Retorsiya: pravovoe obyasnienie i mirovye primery [Retortia: legal explanation and examples in the world]. *Voprosy politicheskoy nauki : materialy II Mezhdunar. nauch. konf. [Questions of political science: Proceedings of the II Intern. scientific conf. (St. Petersburg, July 2016)]*. St. Petersburg. Svoe izdatelstvo Publ., 2016. (In Russ.)
4. Joffe O. S. Razvitie tsivilisticheskoy mysli v SSSR (ch. I) [Development of a civilistic thought in the USSR (part I)]. Leningrad, Leningrad University Publishing House, 1975. (In Russ.)
5. Matuzov N. I. Subektivnye prava grazhdan SSSR [Subjective rights of citizens of the USSR]. Saratov, Privolzhskoe kn. izd. Publ, 1966. (In Russ.)
6. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo : v 2 ch. [Russian Civil Law: in 2 parts]. revised and suppl., 8th ed. Moscow, Statut Publ., 1997. Part I. (In Russ.)
7. Pamyatniki rimskogo prava : Zakony XII tablits. Institutsii Gaya. Digesty Yustiniana [Monuments of Roman law: The Law of the Twelve Tables. Institutions of Gaius. Digest of Justinian]. Moscow, Zertsalo Publ., 1997. (In Russ.)
8. Proshutinskaya A. O. Effektivnost i rezultativnost prinyatiya zakona «Dimy Yakovleva» dlya rossiyskikh detey [Efficiency and effectiveness of the adoption of the “Dima Yakovlev” law for Russian children]. *Innovatsionnaya nauka [Innovation Science]*. No. 04-4/2017.
9. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. [Russian Civil Law: A textbook : in 2 vols. Moscow, Statut Publ., 2011. Vol. 1. (In Russ.)
10. Schlundt N. Yu. k voprosu o chastnopravovykh retorsiyakh [To the question of private legal retortions]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal [The Leningrad Juridical Journal]*. 2013. no. 2 (32). Pp. 183—191. (In Russ.)